

Внешнеполитические просчеты

В целях поддержания высокого рейтинга власти Россия оказывается все более перед искушением применения военной силы. Победа над внешним врагом представлялась самым простым и легким способом достижения популярности. «Бряцание оружием» все более усиливается.

Среди российской элиты распространилась идея, что для отвлечения масс от революции и укрепления режима нужна «маленькая, победоносная война». Такой войной мыслилась военная кампания против Японии. Неизвестно, произносил ли фразу о маленькой победоносной войне министр внутренних дел К. Ф. Плеве, но идеи такого рода циркулировали в государственных кругах. Русско-японская война, как известно, не ока-

---

⁵⁶ Чуткерашвили Е. В. Кадры для науки. М.: Высшая школа, 1968. С. 35, 59; Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки. 1917–1922. М.: Наука, 1973. С. 25; Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного населения. М.: РОССПЭН, 1997. С. 15–16.

⁵⁷ Миронов Б. Н. История в цифрах. Л.: Наука, 1991. С. 135.

залась не маленькой, не победоносной. Бюджет был растрочен. Поражения подтолкнули революцию, едва не приведшую к падению режима. Проходит немного времени — Российская империя ввязывается в новую войну, подведшую черту под его существованием.

Николай II в своих воззрениях на международные отношения был утопистом. Модель российской внешней политики, по меньшей мере на начальном этапе его царствования, выстраивалась вокруг императива пацифизма. Эта позиция отразилась в эпатировавшем весь мир российском меморандуме о всеобщем разоружении. Исключительно усилиями российской дипломатии была инициирована и проведена Гаагская мирная конференция. Ее решения, ставшие важной вехой в развитии пацифизма и формировании наднационального органа управления — впоследствии Лиги наций, собственно для России были скорее негативны. Что означала на практике конвенция «О мирном решении международных столкновений»? Спорный вопрос выносился в коалиционный арбитражный суд, где коалиция представительства западных стран проводила бы антироссийское решение. А что означала на практике конвенция «О законах и обычаях сухопутной войны»? В перспективе большой военной кампании тактика «народной войны» образца 1812 г. была бы уже невозможна. Аналоги возникают с дипломатическим курсом политики «нового мышления» М. С. Горбачева. Тогда, как и при Николае II, государственное руководство поддалось пацифистским иллюзиям, забыв об интересах своей страны. Крушение николаевской пацифистской утопии показательно. Вначале Русско-японская, а затем — и Первая мировая война, с небывалыми для конфликтов прошлого человеческими жертвами, дезавуировали значение российского антивоенного меморандума.

У Российской империи при Николае II отсутствовала стройная геополитическая стратегия. Император долго не мог решить, какой из союзов — с Германией или с Англией и Францией ему более предпочтителен. Выбранный в итоге ориентир на союз с Британской империей, объективно основным геополитическим противником России, ставил страну в исходно проигрышную позицию при любом сценарии грядущего военного конфликта. Российская империя вступала в роковую для себя Первую мировую войну, не имея четкого представления о своих целях и интересах. Еще в меньшей степени было понимание

тех ценностей, во имя которых империя жертвует сотнями тысяч солдатских жизней.

Во время Первой мировой войны Российская империя парадоксальным образом оказалась в союзе с чужеродными ей по идеологии и политической организации государствами — республиканской Францией и парламентской монархией — Англией. Напротив, в стане противников были режимы, сходные по своей природе с российским самодержавием. Пропаганда воюющих государств утверждала, что война идет не только за территории, но и за торжество собственных политических принципов, соответственно, либерально-демократических для стран Антанты и право-монархических для Четверного союза. Для России же война при существующем раскладе сил в идеологическом отношении была абсурдной. Российская империя оказалась волею исторических судеб не в том лагере, в котором она, казалось бы, должна пребывать в силу своих политических форм и цивилизационного содержания. Принципиальной ошибкой было заключение союза с главным геополитическим противником России — Британской империей. По-видимому, осознание этого по истечении нескольких лет военных действий стало приходить и к Николаю II. Но было уже поздно.

В результате войны четыре империи — Российская, Германская, Австрийская и Османская — рухнули фактически одновременно, в течение одного года. Каждая из них идеологически представляла одно из направлений традиционных религий и потому их крушение было одновременно крушением оплотов именно религиозных. Это была победа в идеологическом плане — либерально-секулярных сил, в геополитическом — сил атлантических. К Антанте в конце войны примкнули еще и Соединенные Штаты Америки. Российская империя, по сути, участвовала в собственном уничтожении.

* * *

Монархия не смогла оседлать объективно происходящие в мире и российском обществе модернизационные процессы. Препятствием на их пути оказалась архаическая система, в рамках которой продолжала функционировать империя. Модернизация, действительно, была для России жизненно необходима. Усиливалась геоэкономическая борьба и геополитическая борьба. По отношению к этой стадии мирового развития

Дж. Гобсон в 1902 г. применил понятие «империализм». Начиналась серия войн за колониальный передел мира между ведущими экономическими державами. Русско-японская война была в их числе. И ее Россия проиграла. Задержка модернизации означала бы периферизацию Российской империи, вытеснение ее на положение аутсайдера, а в перспективе — гибель. На повестке стоял вопрос о переходе к новому индустриальному укладу. Однако программа и идеология модернизации у власти отсутствовали. Для Николая II она вообще не стояла в актуальной повестке. Единый политический курс, стратегия царствования вообще отсутствовали.